

Верность мечте

переключается своей новой темой со стихами молодых.

Потому, что если живет человек, если думает, ищет, сомневается, то вопрос «так ли живу?» для него не решается один раз навсегда.

Он не прост, этот вопрос и требует проверки по большому счету совести всего, что сделано.

Мне с отчимом невесело
жилось.

Все ж он меня растил —
И оттого

Порой малею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать
его

Бездомной бабушке в селе
родном
я говорил: мол, так ее люблю,
что подрасту и сам срублю
ей дом.

ПОЭТ И ВРЕМЯ

Дров наготовлю
Хлеба воз куплю.

Теперь прошел я тысячи
дорог —

Купить воз хлеба, дом
срубить бы мог...

Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!
О человеческой доброте, щедрости чувств, внимании ко всему, что есть на земле — людям, лесам и рекам и лесным зверям, — говорят многие прекрасные стихи сборника («Не верю, что звери не говорят», «Письмо в «Лесную газету», «Люблю все живое», «О насущном»). Пожалуй, «говорят» — не совсем точное слово, вернее сказать — спорят с косностью, равнодушием, душевной бедностью — одним словом — с мерзавством. Иногда этот спор идет прямо:

Не могу мириться с немотой,
С вашей слепотой
И глухотой.

Разве не весенняя пора?
Разве птицы не поют с утра?
Что же ваши властные черты
Не смягчаются от доброты?
Не проник к вам даже шум
лесной.

Иль старик-вахтер тому
виной?

Прописной бумажный мир
души.

Свежий ветер не разворошил:
Смотрят два совиные стекла
Из-за канцелярского стола

Не смирюсь я с этой
пустотой.

С вашей глухотой,

Непрямой.

Хочется сердечной теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.

Не расстанусь со своей
мечтой.

Впрочем, стихов такого прямо публицистического звучания в сборнике не так уж много. Обычная интонация поэта — задумчивый, негромкий разговор, когда немногими словами говорится о многом. Вот пример:

Да, отзывчивая, сердечная!
Не боюсь, что слова хедячие!
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого
в зрячего.

Да, горой встает
за обиненных,
Добивается невозможного;
Из какой-то заморской
хижины

Вздых дойдет —
Уж она встревожена.

И не видит, что тут же, около
Своей родной человек
терзается,

По ночам себя травит
махоркою,

От душевных мук
не отвязнется.

Может, ей простодушно
кажется:

Никакое, мол, горе горькое
Рядом с нею жить
не отважится?

Будто бы личное, даже
очень личное по теме стихотворение. Но говорит оно много — ведь, кроме слов, еще есть и подтекст — чувства, мысли, пережитое. И он наполняет стихотворение большим содержанием, заставляет думать о нем, перечитывать его.

Таких стихотворений — немало в книге («Переходный возраст», «Заморозок», «Промыты в окнах стекла», «В чужом краю», «На проталинах», «Хочу весну»). Единственно, в чем можно упрекнуть их, — пожалуй, в чересчур частом употреблении «весенних» образов, уже ставших шаблонным (вспомним хотя бы «Чистое небо» Чухрая).

Александр Яшин назвал свою книгу скромно «Лирические записи». А между тем она сердечнее, глубже и значительнее многих его прежних, более масштабных циклов (хотя бы вологодских). Это случилось потому, что большинство стихов нового сборника не просто рассказывает о каких-то событиях, они наполнены светом больших раздумий поэта и оттого от них тепло сердцу.

Александр Яшину не так уж далеко до 50. А новая книга его — молодая, непримиримая, страстная, как в начале пути. Но нужно ли этому удивляться? Поэт всегда остается молодым, пока слышит голос времени и отзывается на него, пока остается верным мечте.

В. РЫБАКОВ,

В РЕДАКЦИОННОЙ вступительной заметке к книге говорится: «Ее лирический герой, наш современник — цельная, духовно богатая, деятельная натура». За этой доброжелательно-безличной оценкой совсем не видно той «кособицы» настроения и тем сборника, которая отличает его от десятков других книг. А одно слово в оценке просто смущает — «цельность». Это тоже приятное слово и отличное качество, если только оно (пусть простят нас за каламбур) — не самоцель.

В слишком обильных дозах цельность создает ощущение железобетона — материала для создания книг мало пригодного. К счастью, лирический герой «Совести» не таков. Напротив, весь сборник направлен против безумного бодрчества, весь он — раздумье о жизни, о времени, о людях. «Туда ли плыву я? Так ли живу?». Эти строки — ключ к главной теме сборника. Она может показаться неожиданной у А. Яшина, поэта сложившегося, который далеко уже не в начале пути. Но темы определяет жизнь. В сборник вошли стихи, написанные за последние пять лет — недолгий по времени, огромный по значению период в жизни нашей страны. И, говоря словами другого поэта, «великой эпохи след на каждом шагу» отчетливо виден в этой книге, многое осмыслено и оценено яснее, точнее, определеннее. И не случайно книга поэта, работающего не один десяток лет,

* Александр Яшин. «Совесть». Лирические записи. Советский писатель. Москва 1961 г.